

А.А. Кара-Мурза

**«Политическая свобода» versus «свобода от политики»:
европейские странствия Карамзина как прототип
русских поисков общественного идеала***

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; главный научный сотрудник. Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru

В статье исследуется генезис философских поисков общественного идеала в трудах путешествовавших литераторов конца XVIII в. – князя А.И. Вяземского (1754–1807) и Н.М. Карамзина (1766–1826). Автор полагает, что оба они были «путешественниками поневоле», скрывавшимися в Европе от антимасонских гонений императрицы Екатерины II. Отмечается также, что сохранившиеся дневниковые записи Вяземского-старшего носят крайне фрагментарный характер, в то время как «Письма русского путешественника» Карамзина до сих пор являются недоисследованным источником богатейшей информации. «Философский трэвелог» Карамзина посвящен в том числе описанию и анализу нескольких типов европейских социальных устройств (германских, швейцарских, французского, английского), ставших для Карамзина важными социальными ориентирами – своего рода конкурентными «общественными идеалами». Основное внимание автор статьи уделяет исследованию типов социального устройства, увиденных Карамзиным в кантонах Швейцарии и в Англии – двух странах, особо любимых Карамзиным с ранней юности. Автор приходит к выводу, что Карамзин, зорко подмечая достоинства и недостатки «чужого» общественного устройства, постоянно имеет в виду «образ России» – страны безусловно европейской и христианской, но способной к обустройству гармоничного общества на основе собственных традиций.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, А.И. Вяземский, Россия, Европа, путешествие, общественный идеал, политика, свобода

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Карамзин был не только художником, но и мыслителем и, можно сказать, первым нашим философом.

Б. Эйхенбаум, 1916

Предисловие

Во второй половине восемнадцатого столетия, ставшем определяющим в генезисе отечественного философствования, императорская Россия была активно вовлечена в бурные общеевропейские трансформации политической и культурной жизни. Особое значение в сложной цепи событий имела Семилетняя война (1756–1763), в годы которой Россия во многом формировала карту Центральной Европы. По точному замечанию В.В. Сиповского, одного из лучших знатоков той эпохи, «почти шесть лет прожили за границей русские дворяне, служившие в полках Елизаветы... Они увидели совершенно новую жизнь, в которой чувствовалось тогда культурное движение; они присматривались к этой жизни и многое принесли на родину из чужих краев» [Сиповский, 1899, с. 4–5]. Поиски русского общественного идеала полностью сосредоточились в те годы в общеевропейском контексте.

Характерны в этой связи умонастроения одного из интеллектуальных лидеров того, предкарамзинского, поколения, молодого А.Т. Болотова, который, прослужив офицером несколько лет в покоренном русскими Кёнигсберге, так описал свое прощание с этим прусским городом в 1762 г. – году восшествия на престол императрицы Екатерины II: «Прости, милый и любезный град, и прости навеки! Никогда, как думать надобно, не увижу я уже тебя боле! Небо да сохранит тебя от всех зол, могущих случиться над тобою, и да излиет на тебя свои милости и щедрости. Ты был мне полезен в моей жизни, ты подарил меня сокровищами бесценными, в стенах твоих сделался я человеком и спознал самого себя, спознал мир и все главнейшее в нем... Прости навеки!» [Болотов, 1871, с. 143]. – Удивительное объяснение в любви к европейской культуре в устах человека, признанного позднее образцом русского патриота! Впрочем, именно эта прочнейшая спайка мировоззренческого европеизма и действенного патриотизма и породила феномен «русских европейцев», определивших направление идейно-политических поисков в екатерининское и александровское время.

«Манифест о вольности дворянства», задуманный еще при императрице Елизавете Петровне, изданный Петром III и подтвержденный Екатериной, разбросал по огромной стране тысячи и тысячи энергичных дворян, которые ранее бывали в родных гнездах лишь наездом: «Возвращаясь на родину уже не с тем, чтобы умирать на покое, а для того, чтобы жить в свое удовольствие, они легко увлеклись всем, что могло хотя до некоторой степени поддержать ту культурную атмосферу, в которой они были приучены жизнью в умственных центрах» [Сиповский, 1899, с. 5]. Индивидуальная человеческая жизнь впервые в России стала драгоценным предметом осознанного культурного выбора, а не объектом предзаданной регламентации – это была совершенно новая, европейская по сути, экзистенциальная реальность, породившая одновременно многие проблемы.

Русский европеизм в своих многообразных формах проникал в ткань повседневной жизни. И, как это часто бывает, динамизм общественного развития стимулировал быструю дифференциацию умов и даже политическое напряжение: «Русское общество очень заметно раскололось на две половины, враждующие одна с другою: Петербург и Москва были центрами враждующих лагерей; французское влияние, с одной стороны, и немецко-английское, с другой, – вот две столкнувшиеся силы. Императрица, с ее верой в просвещенный абсолютизм, – и молодое

русское общество, выходящее на самостоятельный путь, без всяких помочей, своими силами, – вот враги, культурная борьба которых заполнила конец XVIII века» [Сиповский, 1899, с. 11].

По сути, речь шла о соперничестве двух возможных для России стратегий прогресса: властно-контролируемой, исходящей с самого политического «верха», и более спонтанной, идущей от прорастающей «снизу» гражданской просвещенности. Что нужнее и возможнее для России: постепенное окультуривание политики – или, напротив, отвердевание в политической культуре нравственных гуманистических императивов? И что делать с народной толщей: постепенно *просвещать* ее или *освобождают*?

Самобытная, свобододолюбивая мысль просыпающейся к общественной жизни русской провинции ориентировалась в последней трети XVIII в. на Москву и ее мозговой центр – Московский университет. Интеллектуальным лидером, подлинным вожаком этой «московской партии» стал перебравшийся в древнюю столицу в 1779 г. литератор и издатель Николай Иванович Новиков. «Творцом этой новой жизни Новиков не был, – отмечает Сиповский. – Он – только талантливый выразитель тех желаний, которые с половины XVIII века пробуждаются в русском провинциальном обществе. Он один из первых дал себе отчет в этих желаниях и помог разобраться в них русскому обществу. Благодарная Россия послала к нему в Москву своих сынов; он соединил их около себя и... повел эту молодежь туда, где, как ему казалось, мерцал свет истины» [там же, с. 12].

Среди этих молодых людей, вовлеченных в «новиковскую партию», – культурно-просветительскую по сути и масонскую по форме, был и Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) – «*первый наш философ*», по точному определению Б.М. Эйхенбаума [Эйхенбаум, 1986, с. 10].

Николай Карамзин: какую Европу предпочесть?

Новейшие исследования доказывают, что знаменитая европейская поездка Н.М. Карамзина 1789–1790 гг., известная нам по «Письмам русского путешественника» [Карамзин, 1984], была вовсе не путешествием свободного вояжера, а фактическим бегством за границу, по сути дела *эмиграцией* – одной из первых в новой русской истории [Кара-Мурза, 2016д; Кара-Мурза, 2016е; Kara-Murza, 2017].

Причиной отъезда Карамзина из Москвы весной 1789 г. (через Петербург и Ригу в германские земли и далее в Швейцарию, Францию, Англию) были начавшиеся преследования московского кружка просветителя-масона Н.И. Новикова со стороны присланного в Москву Екатериной II обер-прокурора Сената, князя Гавриила Гагарина – раскаявшегося перед императрицей гротсмейстера петербургских масонов шведского обряда, ставшего впоследствии главным свидетелем по делу московских розенкрейцеров во главе с Новиковым [Крестова, 1975; Кара-Мурза, 2016а].

Нечто подобное случившемуся с «путешественником поневоле» Карамзиным произошло несколькими годами ранее с его старшим другом, а позднее и тестем, князем Андреем Ивановичем Вяземским (1754–1807). Затянувшуюся на четыре года зарубежную поездку Андрея Вяземского 1782–1786 гг. тоже пытались одно время объяснить «образовательными целями», тогда как задержка князя в Европе имела *чисто политические причины*.

Путевые заметки Вяземского-старшего (отца князя П.А. Вяземского), сохранившиеся в «Остафьевском архиве» [Вяземский, 1881, с. 291–350], свидетельствуют о том, что молодой генерал-масон в сопровождении двух верных офицеров выехал 1 марта 1782 г. из Петербурга в Стокгольм с личным заданием уже отодвигавшегося Екатериной от руководства внешней политикой графа Н.И. Панина. Путь Вяземского

лежал ко дворам «северных» монархов, бывших ранее союзниками России, – к шведскому королю Густаву III, королю Пруссии Фридриху II, курфюрсту Саксонии Фридриху-Августу III. Посылая Вяземского в Европу, Панин делал последнюю и, как оказалось, безуспешную попытку противодействовать новой политике Екатерины II, менявшей прежних «северных» союзников на австрийских Габсбургов и французских Бурбонов.

Дальнейший маршрут Вяземского-старшего: из Швеции морем в Пруссию (где он принял участие в работе Вильгельмсбадского масонского конвента), затем Саксония, Франция, Англия, Голландия, Португалия, Испания, снова Франция, города Италии и Швейцарии. Важнейшим пунктом поездки А.И. Вяземского стал Франкфурт, где в середине июля 1782 г., в отеле Maison Rouge, имели место встречи князя с находившимся в те дни в германских землях наследником русского престола Павлом Петровичем – воспитанником Панина, продолжавшим находиться под сильным влиянием старого наставника [Вяземский, 1881, с. 340–342].

Известно, что цесаревич Павел вернулся в Санкт-Петербург 20 ноября 1782 г. А буквально на следующий день его ближайшего друга, сопровождавшего его в европейском путешествии, князя А.Б. Куракина, тоже воспитанника Панина и крупнейшего масона, доставили к генерал-прокурору Империи, несколько дней допрашивали, а через неделю, по приказу императрицы, отправили в ссылку в саратовское имение, где князь пробыл до самой смерти Екатерины в 1796 г.

Однако главный удар по «северянской партии» был нанесен весной 1783 г. смертью 31 марта самого графа Н.И. Панина. На его погребение 3 апреля в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры императрица Екатерина II не явилась...

В этих обстоятельствах князь А.И. Вяземский – генерал-масон и доверенное лицо Панина и Куракина, закономерно опасался возвращения в Россию. К решению остаться в Европе его подталкивал и двоюродный брат отца – князь А.А. Вяземский, тот самый генерал-прокурор и ближайший сотрудник Екатерины, не заинтересованный в скором возвращении племянника-диссидента. Справедливости ради надо добавить, что генерал-прокурор Вяземский сделал многое, чтобы его племянник сумел-таки заслужить прощение императрицы и вернуться, спустя многие месяцы, на родину к состарившимся родителям [см.: Вяземский, 2018, с. 5–9].

Для молодого Карамзина князь Андрей Вяземский, ранее переживший в Европе аналогичные приключения «путешествующего изгнанника», стал поистине «вторым отцом»¹.

Руссоистский «миф Швейцарии»: апология «первобытной вольности»

Согласно Ю.М. Лотману, «путешествие» Н.М. Карамзина (как нам теперь известно, – вынужденное) планировалось «как некая дуга с двумя основными точками опоры: Швейцарией и Англией» [Лотман, 2015, с. 101]. Эти две страны «как бы олицетворяли для Карамзина две возможности развития человечества, между которыми колебались симпатии Карамзина в то время, когда он готовился к путешествию... Патриархальности Швейцарии противостоял идеал “просвещенности” – Англия» [там же]. «В конечном счете, – продолжает Лотман, – это была антитеза общественных устремлений Руссо и Вольтера... Желание произвести “следствие

¹ Многие годы Н.М. Карамзин прожил в московском особняке Вяземских на Волхонке и в их подмосковном имении Остафьево. В 1804 г. он женился на старшей дочери А.И. Вяземского – Екатерине Кольвановой, а перед своей смертью в 1807 г. Вяземский-старший оставил на попечение Карамзина своего единственного сына – князя Петра Андреевича Вяземского.

на месте” над идеями двух апостолов Просвещения XVIII века было одной из побудительных причин путешествия» [Лотман, 2015, с. 102].

«Швейцарский миф» стал устойчивым элементом русского отношения к Европе за пару десятилетий до вояжа Карамзина. В нашей культурной традиции Швейцария представляла «некой парадигмой, которая тревожила российское сознание необычайностью своей природы и кажущейся идеальностью своей судьбы» и служила россиянам чем-то вроде «нравственно-политического “зеркала”, в котором отражались социокультурные мечтания и утопические проекты русской общественной мысли. Картины сказочной земли справедливости, таинственного Беловодья народных религиозных преданий, где “мужички-то все богаты”, подспудно проецировались на реально существующую страну» [Данилевский, 2010, с. 237].

Швейцария очень рано заняла особое место и в творчестве самого Карамзина. Еще семнадцатилетним юношей, он в 1783 г. опубликовал в Петербурге перевод с немецкого швейцарской идиллии Соломона Геснера «Деревянная нога» [Геснер, 1783]. Среди главных добродетелей швейцарцев юный переводчик особо превозносит их «вольность». Фразу Геснера «*Freyheit, Freyheit beglückt das ganze Land!*» Карамзин передает следующим образом: «Вольность, сия дражайшая вольность, делает счастливой всю сию страну» [там же, с. 7].

А спустя три года, в 1786 г., повзрослевший Карамзин издает – теперь уже в Москве – прозаический перевод поэмы другого швейцарца, поэта и естествоиспытателя Альбрехта фон Галлера «О происхождении зла» [Галер, 1786]. В своих комментариях переводчик подтверждает свое особое отношение к Швейцарии и ее гражданам: «Под сими счастливыми тварями разумеет Галлер альпийских пастухов. Всё, слышанное мною от путешествовавших по Швейцарии в роде жизни их, в восхищение приводило меня. Размышление о сих счастливых часто побуждало меня восклицать: “О смертные! просто уклонились вы от начальной невинности своей! Почто гордитесь мнимым просвещением своим!”» [там же, с. 11].

Итак, руссоистская беспорочность вольного человека, свободный отказ от условностей и ограничений цивилизации – вот один из манящих юного Карамзина «общественных идеалов», отождествляемых им с самоуправляющимися кантонами Швейцарии.

Как мы знаем, европейские странствия беглеца-эмигранта Карамзина продлились около четырнадцати месяцев: с мая 1789 г. по июль 1790 г. Швейцарский период, безусловно, занял в этом турне центральное место: в Швейцарии Карамзин пробыл около семи месяцев – с начала августа 1789-го до начала марта 1790-го. Для сравнения: в Германии он провел менее двух месяцев, во Франции около трех, в Англии меньше двух месяцев. Судя по всему, главным пунктом пребывания Карамзина в Европе изначально намечалась Женева, где друзья-масоны подготовили ему надежное убежище: здесь путешественник прожил долгие пять месяцев – со 2 октября 1789 г. по 1 марта 1790 г.²

В своих «Письмах русского путешественника» Карамзин, находясь, судя по записям, на пути между Базелем и Цюрихом, сочиняет апологию этой земле – полностью в духе кумира своей юности Жан-Жака Руссо: «Уже я наслаждаюсь Швейцариею, милые друзья мои! Всякое дуновение ветерка проникает, кажется, в сердце мое и развевает в нем чувство радости. Какие места! Какие места! Отъехав от Базеля версты две, я выскочил из кареты, упал на цветущий берег зеленого Рейна и готов был в восторге целовать землю» [Карамзин, 1984, с. 102].

² Согласно нашей версии, в Женеве беглец-эмигрант Карамзин пережил тяжелую душевную боль, чем объясняется крайняя скудость женева-ских фрагментов в «Письмах русского путешественника» [см.: Кара-Мурза, 2016е, с. 61–70].

«Счастливые швейцары! – продолжает изливать свои восторги Карамзин. – Всякий ли день, всякий ли час благодарите вы небо за свое счастье, живучи в объятиях прелестной природы, под благодетельными законами братского союза, в простоте нравов и служа одному богу? Вся жизнь ваша есть, конечно, приятное сновидение, и самая роковая стрела должна кротко влетать в грудь вашу, не возмущаемую свирепыми страстями!» [Карамзин, 1984, с. 102–103.]

Наилучшее впечатление произвел на Карамзина город Цюрих: «С отменным удовольствием смотрел на его приятное местоположение, на ясное небо, на веселые окрестности, на светлое, зеркальное озеро и на красные его берега, где нежный Геснер рвал цветы для украшения пастухов и пастушек своих; где душа бессмертного Клопштока наполнялась великими идеями о священной любви к отечеству...» [там же, с. 106].

Природный рай центральной Швейцарии счастливым образом сочетается в глазах Карамзина с общественной гармонией: «Ни в каком другом европейском городе не найдете вы, друзья мои, таких неиспорченных нравов и такого благочестия, как в Цюрихе. Театр, балы, маскарады, клубы, великолепные обеды и ужины! Вы здесь неизвестны» [там же, с. 119].

Распорядок жизни граждан Цюриха естественен, размерен и направлен к общему благу: «Мужчины отправляют поутру дела свои: купец идет в контору или в лавку, ученый садится читать или писать, художник берется за свою работу... Мудрые цюрихские законодатели знали, что роскошь бывает гробом вольности и добрых нравов, и постарались заградить ей вход в свою республику» [там же, с. 120].

Общественная гармония в швейцарских кантонах обеспечивается, согласно Карамзину, не только природными добродетелями граждан, но и разумностью принимаемых законов, не налагающих на граждан избыточных ограничений. «Не увидите вы здесь ничего гниющего, непочиненного, – пишет Карамзин в дневнике по пути из Бадена в Берн. – Во всем соблюдена удобность и все необходимое в изобилии и совершенстве... Цветущее состояние швейцарских земледельцев происходит наиболее оттого, что они не платят почти никаких податей и живут в совершенной свободе и независимости, отдавая правлению только десятую часть из собираемых ими полевых плодов» [там же, с. 127].

Именно Карамзин, по справедливому замечанию современной исследовательницы русских вояжей в Швейцарию В.В. Смекалкиной, «без сомнения, сыграл ключевую роль в зарождении русского “паломничества” в Швейцарию и надолго определил парадигму восприятия этой страны русскими путешественниками» [см.: Смекалкина, 1975, с. 296–302; Немировский, 1989, с. 271–280]. «Практически все описанные Карамзиным достопримечательности и природные красоты, а также его маршруты, – отмечает далее автор, – всё это вскоре станет “хрестоматийным” и в некотором роде обязательным для посещения россиянами, а его размышления и переживания превратятся для следовавших за ним путешественников в некий духовный *vademecum*, с которым они будут сверять свои впечатления» [Смекалкина, 1975, с. 201].

Швейцария – обетованная земля руссоистской слиянности с Природой, естественной человеческой вольности и полного отсутствия властного произвола – эта тема по-разному варьируется на страницах «Писем русского путешественника». Лишь в очень редких случаях беглец из далекой России позволяет себе усомниться в новообретенном «идеале» и задается тревожными вопросами. А не является ли швейцарская идиллия лишь проявлением глухой архаики, непросвещенности и – в конечном счете – «недоцивилизованности»? Простота жизни «вольных швейцаров» – не есть ли, возможно, лишь следствие бедности и невежества? А «счастливая уединенность» – не является ли она лишь печальным свидетельством «исторической брошенности»?

Так, отплыв поздним вечером в почтовой лодке из Туна – к другому концу одноименного озера, на пути к швейцарским Альпам, Карамзин делает вдруг в дневнике не характерные в целом для него ночные записи: «Внизу дымятся хижины, жилища бедности, невежества и – может быть – спокойствия. Вечная премудрость! Какое разнообразие в твоём физическом и нравственном мире!» [Карамзин, 1984, с. 131]. «Швейцарское спокойствие» – да, но является ли «спокойствие» идеалом индивидуальной и общественной жизни?

Спустя небольшое время, в Англии, Карамзину доведется провести еще одно, выражаясь языком Ю.М. Лотмана, «следствие на месте» – на этот раз относительно принципиально иной модели общественного идеала...

Вольтеровский «миф Англии»: апология гражданского Просвещения

Еще в ранней юности, обучаясь в 1778–1782 гг. в московской Немецкой слободе в частном пансионе профессора Шадена [Кара-Мурза, 2016б, с. 101–106]³, Карамзин «бредил Англией и, почти не видав англичан, восхищался ими и воображал Англию самую приятнейшую для сердца моего землю» [Карамзин, 1984, с. 380]. «С каким восторгом, – вспоминал он, – читал я во время американской войны донесения торжествующих британских адмиралов!.. Я праздновал победы их и звал к себе в гости маленьких соучеников моих. Мне казалось, что быть храбрым есть... быть англичанином, великодушным – тоже, чувствительным – тоже; истинным человеком – тоже» [там же]⁴.

К моменту европейской поездки Карамзина Англия, в отличие от Франции, имела в культурных кругах российских столиц репутацию «образцовой страны». Этому во многом способствовали впервые увидевшие свет еще в 1775 г. путевые заметки княгини Е.Р. Дашковой, близко изучившей политические традиции Лондона и Эдинбурга. В своем «Путешествии одной российской знатной госпожи по некоторым Аглинским провинциям» Дашкова, в частности, писала: «Англия мне более других государств понравилась. Правление их... превосходит все усильственные опыты других народов в подобных предприятиях» [Дашкова, 2001, с. 31].

Знал молодой Карамзин об Англии и из сочинений немецкого просветителя-масона Карла Филиппа Морица. Еще в юности Карамзин «с превеликим удовольствием» изучал на немецком трэвелог Морица «Путешествие немца по Англии в 1782 году». А в начале собственного европейского вояжа, в начале июля 1789 г., он лично встречался и беседовал с Морицем в Берлине. И запомнил его слова: «Кто хочет видеть просвещенный народ, который посредством своего трудолюбия дошел

³ «Немецкая слобода» была для юного Карамзина своего рода «идеальной Россией», открывавшей уникальные культурные возможности: «В судьбе Карамзина четыре года пребывания в Немецкой слободе стали временем исключительно важным; фактически – его первым путешествием в Европу. Парадокс заключался в том, что эту свою “первую Европу” юный Карамзин нашел не на Западе, а в Москве, причем как вполне органичную часть русской жизни. Ведь Немецкая слобода времен Карамзина-подростка – это уже екатерининская Москва, прожившая со времен царя Петра Алексеевича с его “потешными” катаниями по Яузе-реке и наивно-любопытным подглядыванием за жизнью “немцев” (то есть всех “немых”, не говорящих по-русски, чужаков) содержательный период межкультурного синтеза» [см.: Кара-Мурза, 2016е, с. 10].

⁴ Исследователи дружно отмечают, что в своем описании Англии Карамзин отталкивался от хорошо известных ему с детства литературных традиций Даниэля Дефо («Жизнь и необычайные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка», 1719) и Лоренса Стерна («Сентиментальное путешествие по Франции и Италии», 1768), полагавших, что «простой свободнорожденный англичанин есть высшее творение Бога» [см.: Капустянская, Кубанев, 2015, с. 50–54].

до высочайшей степени утончения в жизни, тому надобно ехать в Англию...» [Карамзин, 1984, с. 46].

И вот, наконец, Карамзин в Англии: в сравнении со Швейцарией, он пробыл там относительно недолго. Прибыв на Туманный Альбион в начале июня 1790 г., он уже в середине июля (по принятому в Европе григорианскому календарю) покинул Англию и 15 июля по юлианскому календарю, принятому в России, был в Санкт-Петербурге, компенсировав, таким образом, те 11 дней, которые были утрачены им при выезде за границу.

Волнение от пребывания в стране, которую так ценили за «просвещенность» авторитетные для Карамзина англоманы (французские, немецкие, русские), охватило его еще при швартовке корабля в Дувре: «Берег! Берег! Мы в Дувре, и я в Англии – в той земле, которую в ребячестве своем любил я с таким жаром и которая по характеру жителей и степени народного просвещения есть, конечно, одно из первых государств Европы» [там же, с. 327].

Вскоре в своих «письмах из Англии» Карамзин уже активно полемизирует с собственным, еще совсем недавним, «швейцарским мифом» – о *свободе от политики* (поближе к Природе и подальше от Власти) – как идеале человеческого существования. Англия показала «русскому путешественнику» наглядный пример того, как социальная динамика, разнообразие общественной жизни способны наилучшим образом удовлетворить потребности культурного и разумного человека.

«Какая земля! – восклицает Карамзин уже по дороге из приморского Дувра в Лондон. – Везде встречается вам множество карет, колясок, верховых; множество хорошо одетых людей... Какое многолюдство! Какая деятельность! И притом какой порядок! Все представляет вид довольства, хотя не роскоши, но изобилия. Ни один предмет от Дувра до Лондона не напомнил мне о бедности человеческой (прямая отсылка к виденным недавно “жилищам бедности” в континентальной Европе. – А.К.)» [там же, с. 329].

После пребывания во Франции и высказанных им тогда многочисленных инвектив в адрес Парижа (здесь наш «путешественник» лишь следует в русле более ранних путевых заметок Д.И. Фонвизина), Карамзин не устает восхищаться Лондоном: «Редкая чистота, опрятность в одежде людей самых простых и какое-то общее благоустройство во всех предметах... Какая розница с Парижем! Там огромность и гадость, здесь простота с удивительною чистотою; там роскошь и бедность в вечной противоположности, здесь единообразие общего достатка; там палаты, из которых ползут бледные люди в разодранных рубищах, здесь из маленьких кирпичных домиков выходят здоровые и довольствие, с благородным и спокойным видом – лорд и ремесленник, чисто одетые, почти без всякого различия; там распудренный, разряженный человек тащится в скверном фиакре, здесь поселянин скачет в хорошей карете на двух гордых конях; там грязь и мрачная теснота, здесь все сухо и гладко – везде светлый простор, несмотря на многолюдство» [там же, с. 331].

Многообразие форм межчеловеческого общения – вот новый идеал Карамзина: «Я не знал, где мне приклонить свою голову в обширном Лондоне, но ехал спокойно, весело; смотрел и ничего не думал. Обыкновенное следствие путешествия и переездов из земли в землю! Человек привыкает к неизвестности, страшной для домоседов. “Здесь есть люди: я найду себе место, найду знакомство и приятности”, – вот чувство, которое делает его беззаботным гражданином вселенной!» [там же].

Что касается «уединения», которое, разумеется, периодически необходимо каждому разумному человеку (в том числе и прославленному молодому Карамзиным «гражданину вселенной»), то оказывается, что именно многолюдный космополитический город, как это ни парадоксально, предполагает такую возможность: «Я люблю большие города и многолюдство, в котором человек может быть уединеннее, нежели в самом малом обществе; люблю смотреть на тысячи незнакомых лиц, которые,

подобно китайским теням, мелькают передо мною, оставляя в нервах легкие, едва приметные впечатления; люблю теряться душою в разнообразии действующих на меня предметов и вдруг обращаться к самому себе – думать, что я средоточие нравственного мира, предмет всех его движений, или пылинка, которая с мириадами других атомов обращается в вихре предопределенных случаев» [Карамзин, 1984, с. 332].

И, тем не менее, наш помудревший вояжер (напомним, что карамзинские «Письма из Англии», в силу цензурных ограничений, были опубликованы на четыре-пять лет позднее швейцарских) уже понял, что не хотел бы надолго остаться в Англии: «Теперь вижу англичан вблизи, отдаю им справедливость, хвалю их – но похвала моя так холодна, как они сами... Знаю, что и в Сибири можно быть счастливым, когда сердце довольно и радостно... Английская зима не так холодна, как наша; зато у нас зимою бывают красные дни, которые здесь и летом редки... Русское мое сердце любит изливаться в искренних, живых разговорах, любит игру глаз, скорые перемены лица, выразительное движение руки. Англичанин молчалив, равнодушен, говорит, как читает, не обнаруживая никогда быстрых душевных стремлений, которые потрясают электрически всю нашу физическую систему» [там же, с. 380–381].

Даже красноречие английских парламентариев Карамзин описывает не только уважительно, но и с иронией: «Я входил в разные кофейные дома: двадцать, тридцать человек сидят в глубоком молчании, читают газеты, пьют красное португальское вино, и хорошо, если в десять минут услышите два слова... Мудрено ли, что ораторы их в парламенте, заговорив, не умеют кончить? Им наскучило молчать дома и в пубlike» [там же, с. 333].

Карамзин высоко ценит то, что «англичане горды» и «всего более гордятся своею конституциею». Но, по его мнению, «законы хороши, но их надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди были счастливы», а это уже зависит от гражданской просвещенности. «Итак, не конституция, а просвещение англичан есть истинный их палладий, – делает вывод Карамзин. – Всякие гражданские учреждения должны быть сообразены с характером народа; что хорошо в Англии, то будет дурно в иной земле... Впрочем, всякое правление, которого душа есть справедливость, благотворно и совершенно» [там же, с. 382–383].

Возвращение Карамзина

Причины и обстоятельства возвращения Н.М. Карамзина в Россию летом 1790 г. окутаны не меньшим количеством загадок, чем его внезапный отъезд в Европу весной 1789 г. В любом случае, одной из главных причин возвращения стала обострившаяся тоска по родине.

Еще в швейцарских фрагментах «Писем русского путешественника» у Карамзина начинает отчетливо звучать «патриотическая тема», ностальгия по России и оставшимся на родине друзьям: «Для того чтобы узнать всю привязанность нашу к отечеству, надобно из него выехать; чтобы узнать всю любовь нашу к друзьям, надобно с ними расстаться» [там же, с. 108].

Путешествуя по Швейцарии, русский беглец внимательно прислушивается к местным песням: «Я слышу пение; оно несется из окон соседнего дома. Это голос юноши – и вот слова песни: “Отечество мое! Любвию к тебе горит вся кровь моя; для пользы твоей готов ее пролить; умру твоим нежнейшим сыном... Мы все живем в союзе братском; друг друга любим, не боимся и чтим того, кто добр и мудр. Не знаем роскоши, которая свободных в рабов, в тиранов превращает... Отечество мое!”» [там же, с. 108–109].

Не без зависти Карамзин присматривается к разнообразным проявлениям тесной связи жителей Швейцарии с родной землей: «Швейцары так страстно любят свое отечество, что почитают за великое несчастье надолго оставлять его» [Карамзин, 1984, с. 108].

Те же настроения охватывают скитальца Карамзина и в Англии. Еще на пакетботе, пересекая Ла-Манш, он обратил внимание на своих ближайших спутников, возвращавшихся на родину из Италии, – молодого английского лорда и сопровождавших его жену и сестру: «Лорд важен, но учтив. Леди и мисс любезны. С каким нетерпением приближаются они к отечеству, к родственникам и друзьям своим, после шестилетней разлуки! С какою радостью говорят о тех удовольствиях, которые ожидают их в Лондоне! – Ах! Я завидовал им от всего сердца!» [там же, с. 326]⁵.

...Драма «путешественника поневоле» Николая Михайловича Карамзина заставляет задуматься об общих судьбах русской эмиграции: от Курбского и Герцена – через массовый пореволюционный исход – к диссидентам новейшего времени. Их трагедия состояла в том, что люди эти, зачастую цвет отечественной культуры, вынуждены были, в силу обстоятельств, предпочесть родине – «свободу». В этом контексте, особое, выдающееся место Карамзина в нашей культуре обусловлено в том числе и тем, что он – безусловный европеист по образованию и воспитанию – впервые осмелился поставить вопрос принципиально иначе: «а зачем мне свобода без родины?..»

Возвращаясь в Россию летом 1790 г., Карамзин, разумеется, сильно рисковал. Но, как ни парадоксально, именно сам факт возвращения – под сень родного самодержавия и в его полную властную юрисдикцию – в известном смысле «обезоружил» правительство Екатерины II.

Аналогичным, абсолютно бесстрашным образом поступили, вслед за Карамзиным, Петр Чаадаев в 1826 г. (в разгар преследований декабристов), а потом и Владимир Соловьев в 1888 г. (после успеха в Париже его абсолютно диссидентской «Русской идеи») [Жукова, 2021, с. 68–83].

Новообретенный, продуманный и сформулированный в Европе «общественный идеал» – без всяких гарантий на успех – не терпелось реализовать в России...

Список литературы

Болотов, 1871 – Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим. 1728–1793. Т. 2. СПб.: тип. В. Головина, 1871. 535 с.

Вяземский, 1881 – Путевые заметки князя А.И. Вяземского // Архив князя Вяземского. Князь Андрей Иванович Вяземский. СПб.: издание графа С.Д. Шереметева, 1881. С. 291–350.

Вяземский, 2018 – Князь Петр Андреевич Вяземский и исторические судьбы России (к 225-летию со дня рождения). Материалы международной конференции // Вопр. философии. 2018. № 3. С. 5–32.

Галер, 1786 – Галер А. О происхождении зла, поэма великого Галера (в 3-х песнях) / Пер. с нем. Н. Карамзина. М.: Тип. Н.И. Новикова, 1786. 78 с.

Геснер, 1783 – Геснер С. Деревянная нога, швейцарская идиллия господина Геснера / Пер. с нем. Н. Карамзина. СПб.: Тип. Брейткопфа, 1783. 18 с.

Данилевский, 2010 – Данилевский Р.Ю. Русские миражи в Швейцарских Альпах (Швейцария и российские социокультурные утопии) // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб.: Изд-во Пушкинского дома, 2010. С. 237–280.

⁵ На том же корабле, рядом с Карамзиным, плыли и два немца, «кажется, ремесленники, которые, думая, что их никто не понимает, свободно разговаривают между собою»: «“Что-то мы увидим в Англии! – сказал один. – Французы нам теперь известны; в них не много пути”. – “Думаю, – отвечал другой, – что и Англия нам не очень полюбится. Где лучше нашей любезной Германии! Где лучше берегов Рейна!”» [там же].

Дашкова, 2001 – *Дашкова Е.Р.* Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым Аглинским провинциям // «Я берег покидал туманный Альбиона...». Русские писатели об Англии. 1646–1945. М.: РОССПЭН, 2001. С. 31–45.

Жукова 2021 – *Жукова О.А.* Творчество Чаадаева и его интерпретация в интеллектуальной культуре Серебряного века // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2021. № 1. С. 68–83.

Иванов, 1975 – *Иванов М.В.* Мир Швейцарии в «Письмах русского путешественника» // XVIII век. Сб. 10. Л.: Наука, 1975. С. 296–302.

Капустянская, Кубанев, 2015 – *Капустянская К.В., Кубанев Н.А.* Англия глазами русских писателей // Научный поиск. 2015. № 3. С. 50–54.

Карамзин, 1984 – *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / Ред. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1984. 718 с.

Кара-Мурза, 2009 – *Кара-Мурза А.А.* Свобода и порядок. Из истории русской политической мысли XIX–XX вв. М.: МШПИ, 2009. 248 с.

Кара-Мурза, 2016а – *Кара-Мурза А.А.* Загадка «Тартюфа». Известные страницы европейского путешествия Н.М. Карамзина (1789–1790) // Николай Карамзин и исторические судьбы России / Ред. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 361–375.

Кара-Мурза, 2016б – *Кара-Мурза А.А.* Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // Филология: научные исследования. 2016. № 1. С. 101–106.

Кара-Мурза, 2016в – *Кара-Мурза А.А.* Тяжба о Карамзине: юбилейные заметки // Вопр. философии. 2016. № 12. С. 106–110.

Кара-Мурза, 2016г – *Кара-Мурза А.А.* Философские дилеммы «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина // Филос. науки. 2016. № 11. С. 59–68.

Кара-Мурза, 2016д – *Кара-Мурза А.* Чем беглец отличен от путешественника. Загадка европейского турне Николая Карамзина // НГ – Сценарии. 2016. № 7 (165). 27 сентября. С. 14.

Кара-Мурза, 2016е – *Кара-Мурза А.А.* Швейцарские странствия Николая Карамзина (1789–1790). М.: Аквилон, 2016. 110 с.

Крестова, 1975 – *Крестова Л.В.* А.И. Плещеева в жизни и творчестве Н.М. Карамзина // XVIII век. Сборник 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти чл.-корр. АН СССР П.Н. Беркова. Л.: Наука, 1975. С. 265–270.

Лотман, 1987 – *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина / Предисл. Б.Ф. Егорова. М.: Книга, 1987. 336 с.

Немировский, 1989 – *Немировский И.В.* Швейцарская тема в «Вестнике Европы» Н.М. Карамзина // XVIII век. Сборник 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Наука, 1989. С. 271–280.

Севастьянова, 2017 – *Севастьянова А.А.* Н.М. Карамзин в Англии (По страницам «Писем русского путешественника») // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты. Рязань: Рязанский гос. ун-т, 2017. С. 149–153.

Сиповский, 1899 – *Сиповский В.В.* Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб.: типография В. Демакова, 1899. 654 с.

Смекалкина, 2015 – *Смекалкина В.В.* Русские путешественники в Швейцарии во второй половине XVIII – первой половине XIX в. М.: Языки славянской культуры, 2015. 376 с.

Эйхенбаум, 1986 – *Эйхенбаум Б.М.* О прозе. О поэзии / Сост. О. Эйхенбаум; вступит. ст. Г. Бялого. Л.: Художественная литература, 1986. 456 с.

Kara-Murza, 2017 – *Kara-Murza A.* Traveler or Fugitive? A New Reading of Nikolai Karamzin's Letters of a Russian Traveler // Russian Studies in Philosophy. 2017. Vol. 55. No. 6. P. 410–421.

«Political Freedom» versus «Freedom from Politics»: Karamzin's European Wanderings as a Prototype of the Russian Search for the Social Ideal

Alexei A. Kara-Murza

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; National Research University Higher School of Economics. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru

Exploring the genesis of the search for social ideal one finds it in the late XVIII century writers – Prince Andrey I. Vyazemsky and historian Nicolay M. Karamzin. Both were «involuntary travelers», shunning anti-Masonic persecution launched by Catherine the Great. The surviving entries of Vyazemsky in his diary are extremely fragmentary, while Karamzin's «Letters of the Russian Traveler» give us a rich and in many respects unexplored source of historical information. This philosophical travelogue, among other things, is an exposition of types of European regimes (German, Swiss, French, English) as a kind of competitive «social ideals». Karamzin elects Switzerland and in England, as the countries he loved from his youth. The author arrives at conclusion that, perceiving merits and demerits of social structures, Karamzin kept thinking that Russia, being European and Christian country, was capable of creating a harmonious society based on its own traditions.

Keywords: Nicolay Karamzin, Andrey Vyazemsky, Russia, Europe, traveling, social ideal, politics, freedom

References

- Danilevskij R.Yu. Russkie mirazhi v Shveitsarskikh Al'pakh (Shveitsariya i rossiiskie sotsiokul'turnye utopii) [Russian Mirages in the Swiss Alps (Switzerland and Russian Socio-Cultural Utopias)]. In: *K istorii idej na Zapade: "Russkaya ideya"* [On the History of Ideas in the West: "The Russian Idea"]. St.-Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo doma Publ., 2010, pp. 237–280. (In Russian)
- Dashkova E.R. Puteshestvie odnoj rossijskoj znatnoj gospozhi po nekotory'm Aglinskim provinciyam [The Journey of a Russian Noble Lady through Some of the English Provinces]. In: «*Ya bereg pokidai tumannyj Al'biona...*». *Russkie pisateli ob Anglii. 1646–1945* ["I Was Leaving the Misty Coast of Albion...". Russian Writers About England. 1646–1945]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001, pp. 31–45. (In Russian)
- Eikhenbaum B.M. *O proze. O poe'zii* [About Prose. About Poetry], ed. by O. Eikhenbaum. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. 456 p. (In Russian)
- Galer A. *O proiskhozhdenii zla, poe'ma velikogo Galera (v 3-x pesnyax)* [On the Origin of Evil, the Poem of the Great Galler], transl. by N. Karamzin. Moscow: Novikov Publ., 1786. 78 p.
- Gesner S. *Derevyannaya noga, shvejczarskaya idilliya gospodina Gesnera* [Wooden Leg, Mr. Gesner's Swiss Idyll], transl. by N. Karamzin. St.-Petersburg: Brejtkopf Publ., 1783. 18 p.
- Ivanov M.V. Mir Shvejczarii v «Pis'max russkogo puteshestvennika» [The World of Switzerland in the "Letters of a Russian Traveler"], *XVIII vek. Sbornik 10* [18th century. Collection 10]. Leningrad: Nauka Publ., 1975, pp. 296–302. (In Russian)
- Kapustyanskaya K.V., Kubanev N.A. Angliya glazami russkix pisatelej [England Through the Eyes of Russian Writers], *Nauchnyj poisk* [Scientific Research], 2015, no. 3, pp. 50–54. (In Russian)
- Kara-Murza A. Chem beglec otlichen ot puteshestvennika. Zagadka evropejskogo turne Nikolaya Karamzina [How Does a Fugitive Differ From a Traveler? The Mystery of Nikolai Karamzin's European Tour], *NG – Scenarii* [NG-Scenarios], 2016, no. 7 (165), 27 sentyabrya, p. 14. (In Russian)
- Kara-Murza A.A. Filosofskie dilemmy «Pisem russkogo puteshestvennika» N.M. Karamzina [Philosophical Dilemmas of N.M. Karamzin's "Letters of a Russian Traveler"], *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2016, no. 11, pp. 59–68. (In Russian)
- Kara-Murza A.A. Karamzin, Schaden i Gellert. K istokam liberalno-konservativnogo diskursa N.M. Karamzina [Karamzin, Schaden, and Gellert. On the Origins of N.M. Karamzin's Liberal-Conservative Discourse], *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Research], 2016, no. 1, pp. 101–106. (In Russian)
- Kara-Murza A.A. *Shvejczarskie stranstviya Nikolaya Karamzina (1789–1790)* [The Swiss Wanderings of Nikolai Karamzin]. Moscow: Akvilon Publ., 2016, 110 p. (In Russian)
- Kara-Murza A.A. *Svoboda i poryadok. Iz istorii russkoj politicheskoy my'sli XIX–XX vv.* [Freedom and Order. From the History of Russian Political Thought of the 19th–20th centuries]. Moscow: MShPI Publ., 2009. 248 p. (In Russian)
- Kara-Murza A. Traveler or Fugitive? A New Reading of Nikolai Karamzin's Letters of a Russian Traveler, *Russian Studies in Philosophy*, 2017, vol. 55, no. 6, pp. 410–421.
- Kara-Murza A.A. Tyazhba o Karamzine: yubilejnye zametki [The Karamzin Lawsuit: Anniversary Notes], *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2016, no. 12, pp. 106–110. (In Russian)

Kara-Murza A.A. Zagadka «Tartyufa». Neizvestny'e stranicy evropejskogo puteshestviya N.M. Karamzina (1789–1790) [The Mystery of “Tartuffe”. Unknown Pages of N.M. Karamzin's European Journey]. In: *Nikolaj Karamzin i istoricheskie sud'by Rossii*, ed. by A.A. Kara-Murza, V.L. Sharova, A.F. Yakovleva. Moscow: Akvilon Publ., 2016, pp. 361–375. (In Russian)

Karamzin N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler], ed. by Yu.M. Lotman, N.A. Marchenko, B.A. Uspenskij. Leningrad: Nauka Publ., 1984. 718 p. (In Russian)

Knyaz' Petr Andreevich Vyazemskij i istoricheskie sud'by Rossii (k 225-letiyu so dnya rozhdeniya [Prince Peter Andreevich Vyazemsky and the Historical Fate of Russia (to the 225th Anniversary of His Birth)], *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2018, no. 3, pp. 5–32. (In Russian)

Krestova L.V. *A.I. Pleshcheeva v zhizni i tvorchestve N.M. Karamzina* [A.I. Pleshcheeva in the Life and Work of N.M. Karamzin]. In: *XVIII vek. Sbornik 10. Russkaya literatura XVIII veka i ee mezhdunarodnye svyazi. Pamyati chl.-korr. AN SSSR P.N. Berkova* [18th Century. Collection 10]. Leningrad: Nauka Publ., 1975, pp. 265–270. (In Russian)

Lotman Yu.M. *Sotvorenie Karamzina* [Creation of Karamzin], pref. by B.F. Egorov. Moscow: Kniga Publ., 1987. 336 p. (In Russian)

Nemirovskij I.V. *Shvejcarskaya tema v «Vestnike Evropy» N.M. Karamzina* [Swiss Theme in the “Bulletin of Europe” by N.M. Karamzin]. In: *XVIII vek. Sbornik 16. Itogi i problemy izucheniya russkoj literatury XVIII veka* [18th Century. Collection 16]. Leningrad: Nauka Publ., 1989, pp. 271–280. (In Russian)

Putevye zametki knyazya A.I. Vyazemskogo [Travel Notes of Prince A.I. Vyazemsky]. In: *Arkhiv knyazya Vyazemskogo. Knyaz' Andrej Ivanovich Vyazemskij* [Archive of Prince Vyazemsky. Prince Andrey Ivanovich Vyazemsky]. St.-Petersburg: S.D. Sheremetev Publ., 1881, pp. 291–350.

Sevast'yanova A.A. *N.M. Karamzin v Anglii (Po stranicam «Pisem russkogo puteshestvennika»)* [N.M. Karamzin in England (From the Pages of the “Letters of the Russian Traveler”)]. In: *Evropa, Rossiya, Aziya: sotrudnichestvo, protivorechiya, konflikty* [Europe, Russia, Asia: Cooperation, Contradictions, Conflicts]. Ryazan': Ryazanskii gosudarstvennyj universitet Publ., 2017, pp. 149–153. (In Russian)

Sipovskij V.V. *N.M. Karamzin, avtor «Pisem russkogo puteshestvennika»* [N.M. Karamzin, author of “Letters of a Russian Traveler”]. St.-Petersburg: V. Demakov Publ., 1899. 654 p. (In Russian)

Smekalkina V.V. *Russkie puteshestvenniki v Shvejczarii vo vtoroj polovine XVIII – pervoj polovine XIX v.* [Russian Travelers in Switzerland in the Second Half of the 18th – First Half of the 19th century]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2015. 376 p. (In Russian)

Zhizn' i priklyucheniya Andrey Bolotova, opisanny'e im samim. 1728–1793. [The Life and Adventures of Andrey Bolotov, described by himself], t. 2. St.-Petersburg: V. Golovin Publ., 1871. 535 p. (In Russian)

Zhukova O.A. [Chaadaev's Work and Its Interpretation in the Intellectual Culture of the Silver Age], *Filosofskij zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, no. 1, pp. 68–83. (In Russian)